

Профессор Д. П. ОГИЦКИЙ

Профессор Франциск Дворник О ПАТРИАРХЕ ФОТИИ I

Мысль о необходимости пересмотра традиционной трактовки ряда моментов, относящихся к истории Константинопольского патриарха Фотия I и используемых для характеристики личности этого святителя, возникала у некоторых крупных византологов еще до Ф. Дворника. Кое-что в этом направлении предпринималось такими западными церковными историками начала нашего столетия, как А. Лапорт, Дж. Б. Бьюри, Э. Аманн. Но наличие чрезвычайно богатого документального материала, широко использованного для неблагоприятных в отношении к Фотию выводов и заключений в монументальном труде такого специалиста в этой области, как кардинал И. Гергенретер, и самый этот труд¹ не могли не оказывать определенного влияния на всех, кто говорил и писал потом о Фотии. Не избежали этого влияния и наши православные историки.

Ныне здравствующий чешский византолог, католический аббат д-р Франциск Дворник (род. в 1893 г.), профессор университета имени Карла IV в Праге, потом профессор Гарвардского университета, изучая исторические материалы, касающиеся современных патриарху Фотию событий, в частности историю славянских просветителей Кирилла и Мефодия, пришел к мысли о необходимости критического пересмотра документов, на которых основаны многие суждения о Фотии, и к выводу о том, что история Фотия, в сущности, должна быть написана заново. В частности, Ф. Дворник отверг, как «чистейшую мистификацию»², историю второго разрыва между Римом и Фотием, происшедшего якобы после великого Свято-Софийского Собора 879—880 годов. К такому же выводу тогда же, независимо от Ф. Дворника, пришел и В. Грюмель³. Но оставалось много других невыясненных вопросов, связанных с легендой о Фотии, сложившейся в Средние века.

Результаты кропотливой работы Ф. Дворника публиковались по частям в разных журналах. Обобщенно изложены они в его большом, на 600 страниц, труде «Схизма Фотия: история и легенда». Книга была написана по-французски, но, по обстоятельствам военного времени, английский перевод (The Photian schism: history and legend) появился (в 1948) раньше французского издания (François Dvornik. Le schisme de Photius: histoire et légende. Paris. 1950. В дальнейшем ссылки на страницы, без указания заглавия труда, будут относиться к этому изданию).

Труды д-ра Ф. Дворника были встречены чрезвычайно сочувственно византологами такой меры, как Шарль Диль, Анри Грегуар и другими, оказывавшими автору поддержку в его стремлении выявить и «сказать

историческую правду, несмотря на все трудности» (с. 26). Памяти «своего учителя» Шарля Диля Ф. Дворник и посвятил этот свой главный труд.

Цель настоящей статьи — познакомить русского православного читателя с выводами профессора Ф. Дворника.

В нападках на Фотия современных ему противников Ф. Дворник усматривает определенные тенденции, отражающие тогдашнюю острую борьбу на церковном и государственном форуме двух партий. Представители одной у него называются либералами, или умеренными, представители другой — радикалами, или реакционерами. По различию в отношении тех и других к иконоборцам первые именуются еще икономистами, вторые — ригористами и непримиримыми. К икономистам принадлежали такие защитники Православия, как патриарх Тарасий и большинство отцов Седьмого Вселенского Собора. Здесь нет надобности останавливаться на характеристике той и другой партий, этому было уделено достаточно внимания еще до Ф. Дворника. Не мешает все же напомнить, что икономисты были в дружбе с ученым миром Византии, чего нельзя сказать о непримиримых. Последних было немало среди монахов, особенно студитов, их почитателей и благодетелей из зажиточных, консервативных групп населения.

Борьба двух партий имела политический, часто весьма острый, характер и нередко приводила к дворцовым переворотам. Непримиримые были виновниками низложения императора Константина VI (780—797) и его трагического конца (был ослеплен). Торжество непримиримых, однако, не было прочным. Со вступлением на престол императора Никифора (802) их положение пошатнулось. Но они отнюдь не были намерены признать себя побежденными и сложить оружие. Не лишним будет заметить, что непримиримые много сделали для того, чтобы запятнать репутацию этого императора, сторонника икононии.

Непримиримые вновь заняли в государстве прежнее положение при Михаиле I (811—813), который был их кратурой. Реакцией на жестокую церковную политику непримиримых было возрождение иконоборчества при Льве V (813—820) и временное торжество иконоборцев, продолжавшееся при Михаиле II (820—829) и Феофиле (829—842). Перед лицом общего врага внутренняя распря православных (непримиримых и икономистов) на время затихла. Она вспыхнула вновь по вступлении на престол Феодоры (842). Сама императрица, несомненно, симпатизировала непримиримым. Но, действуя вместе с правителем Феоктистом очень осторожно, она возвела на патриарший престол либерально настроенного Мефодия. Непримиримую позицию к новому патриарху занял Студийский монастырь. Дело дошло до раскола и отлучения оппозиционеров. В противоположном лагере, то есть на стороне патриарха Мефодия и икономистов, был брат Феодоры Варда. Видную роль в этой партии играл также земляк и друг Мефодия — архиепископ Сиракузский Григорий Асбеста.

Существенное изменение в расстановке сил произошло после смерти патриарха Мефодия, когда по воле Феодоры на патриарший престол вступил (847) представитель непримиримых Игнатий, сын императора Михаила I. Положение икономистов стало непрочным. Неблагожелательное отношение к их главному представителю, архиепископу

Григорию Асбесте, Игнатий обнаружил уже в момент своей хиротонии, когда архиепископ Григорий был им устранен от участия в этом священнодействии. Самое осуждение Григория и низложение его, по мнению проф. Дворника, было осуществлено Игнатием значительно позже, лет шесть спустя после этого инцидента. Оно тоже, надо думать, было звеном в истории злополучной борьбы двух партий.

В деле Григория Асбесты не совсем ясной выглядит позиция Римского престола. Непримириемые (Стилиан Неокесарийский) утверждали, что папы Лев IV и Бенедикт III подтвердили низложение Григория. Между тем папа Николай I очень определенно говорит, что низложение Григория Игнатием не было санкционировано Римом ни при Льве, ни при Бенедикте (с. 58). Рим считал, следовательно, вопрос о законности этого низложения подлежащим выяснению.

Устранение Григория Асбесты не означало еще полной победы непримиримых, поскольку на стороне икономистов оставался Варда. Последнему удалось вскоре ликвидировать своего главного политического соперника, помощника и единомышленника Феодоры, правителя Феоктиста (856). Разумеется, ничего хорошего для непримиримых это не предвещало. Но доколе на императорском престоле оставалась Феодора, можно было не терять надежды на благоприятный для их партии исход борьбы, ставшей сейчас напряженной до крайности. Свои атаки непримиримые сосредоточили на своих главных противниках — Варде и сыне Феодоры Михаиле. Чтобы дискредитировать Варду в глазах населения, непримиримые стали распространять слухи о его безнравственном поведении и любовной связи с невесткой. Патриарх Игнатий, как известно, основываясь на этом, отлучил Варду от причащения. Ф. Дворник думает, что здесь имела место интрига и что Варда неповинен в инкриминируемом ему грехе. «Привязанность Варды к невестке, — говорил Ф. Дворник, — может быть объяснена просто и естественно. Потеряв нежно любимого сына, Варда перенес всю свою родительскую любовь на невестку... Все хронисты, упоминаящие о преступлении, и сам Никита Пафлагонянин, биограф Игнатия, говорят лишь о ховидых тогда в Византии слухах, переданных патриарху; они бы по-другому говорили, если бы имелись убедительные доказательства безнравственности Варды... Это не значит, что Игнатий вмешался в политический заговор; мы твердо убеждены в том, что Игнатий в самом деле был святым человеком... Фанатики из партии непримиримых просто-напросто злоупотребили его простотой, частым отсутствием у него осмотрительности, его неопытностью в политико-религиозных делах» (с. 74—75).

Против махинаций враждебной партии Варда предпринял решительные контрмеры. Феодора была устранена от управления. Чтобы лишить непримиримых надежды на ее возвращение, решено было постричь ее в монахини. Патриарх встал на защиту низложенной императрицы. Между тем был раскрыт заговор против нового правительства, виновные были обезглавлены. Назревал второй заговор: сторонники Феодоры стали группироваться вокруг фанатика-самозванца Гебеона, который тоже был схвачен и казнен. Патриарх Игнатий имел неосторожность выступить в его защиту, но сам был арестован и сослан на о. Теревинф в июле 858 года.

Правительство Варды, очевидно, не допускало мысли об оставлении

на патриаршем престоле человека, преданного прежнему режиму и настроенного враждебно к новому, но бесцеремонно лишить Игнатия патриаршего престола значило бы усложнить и без того беспокойную обстановку. Правительство предпочло бы, чтобы Игнатий, поняв безвыходность своего положения, сам освободил патриарший престол.

Пошел ли на это Игнатий? Вопрос чрезвычайно важный для освещения всей истории патриарха Фотия. Игнатианские источники явно склонны отвечать на него отрицательно. Но в этом отрицании они не всегда последовательны до конца.

Так, Никита Пафлагонянин, предполагаемый автор антифотианского памфлета (жизнеописания Игнатия), останавливается на упорных, но безрезультатных усилиях правительства добиться ухода Игнатия в отставку, после чего переходит к избранию Фотия в 858 году, говорит о нарушении Фотием слова, данного избирателями относительно почтительного отношения к прежнему патриарху, и об исторгнутой хитростью уже после собора 861 года подписи патриарха Игнатия под текстом отречения от патриаршего престола. В этом рассказе, при его ярко выраженной тенденциозности, чувствуется что-то неуточненное, затуманенное в том, что касается позиции Игнатия и обстоятельств избрания нового патриарха.

На антифотианском соборе 869 года говорилось о том, что уход Игнатия в отставку был вынужденным. По мнению проф. Ф. Дворника, не могло быть избрания Фотия без соблюдения известных «формальностей». Требовался или уход Игнатия, или низложение его. Без этого акт нового избрания выглядел бы абсолютно неприемлемым в византийской церковной среде, как-никак привыкшей относиться с уважением к канонам, и у народа создалось бы впечатление, что у них два патриарха.

В 1903 году впервые было опубликовано житие преподобного Евфимия Солунского, современника вышеупомянутых событий, написанное его учеником. Вот что говорится в нем по этому поводу: «По отшествии ко Господу святого Мефодия... на апостольский престол Константинопольской Церкви возводится священный Игнатий. Он держит бразды правления в течение десяти лет. Подвергаясь со стороны представителей государственной власти тяжким нападкам и явным постоянным, упорным преследованиям, он, отказавшись от бесполезной борьбы с неизлечимо больными, коснеющими в недоброжелательстве, оставляет престол и Церковь отчасти добровольно, а отчасти вынужденно (το μεν εχων το δε Βιαζομενος) и, пребывая в своем монастыре, передает Церкви акт оставления должности (βιβλιον παραιτησεως), исходя из того, что лучше в тишине предаваться беседе с самим собой и с Богом, чем, при неблагожелательном отношении властей, стать причиной бедствий для себя и пасомых. И вот, поскольку распространился слух, что архипастырь был удален от Церкви вопреки своему желанию, многие отказывались от общения с новым патриархом... хотя был им человек православный, сияющий всякими добродетелями — блаженный Фотий... от младенчества посвященный Христу, который перенес за Его святую икону конфискацию имущества и изгнание, разделив эти изначала мужественные подвиги с родителем, жизнь которого была дивна, а кончина блаженна, засвидетельствована от Бога чудесами»⁴. Имеются и другие подтверждения того, что Игнатий, поняв создавшееся положение,

не стал чинить препятствий каноническому решению вопроса о возглавлении Константинопольской Церкви.

Вот что пишет ярый противник Фотия епископ Смирнский Митрофан в письме к византийскому сановнику, логофету Мануилу: «Фотий овладел Константинопольским престолом, как прелюбодей, еще при жизни Игнатия. Он не был намечен на этот пост по избранию епископов, согласно церковному обычаю и закону, а просто-напросто был назначен императором. Вот почему епископы общим решением отвергли его, наметив трех кандидатов, и долгое время стояли на своем. Наконец, поддавшись обману, они изменили этой позиции — все, за исключением пяти, в числе конх был и я. Когда мы увидели, что все епископы развращены, мы подумали, что надо, по крайней мере, потребовать от него собственноручного заявления, в коем он объявил бы себя сыном нашей Христовой Церкви и коим он давал бы обещание оставаться в общении с нашим святейшим патриархом. Мы остановились на этом, чтобы не оказаться непослушными по отношению к нашему патриарху, который выразил желание, чтобы был избран в патриархи кто-либо из нашей Христовой Церкви. Тогда в нашем присутствии он подписал заявление о своем намерении считать Игнатия патриархом, свободным от возводимых на него обвинений, не выступать против него и другим не разрешать этого. Таким образом, мы, вопреки своему желанию, согласились на Фотия под давлением тех, кто поддерживал правительство».

Перед нами свидетельство участника соборных деяний 858 года, нехотя приоткрывающего правду в письме к человеку, от которого эту правду трудно было скрыть. Выглядит она довольно просто. Не только икономисты, но и многие непримиримые понимали, что единственным выходом из создавшегося положения будет уход Игнатия на покой и выборы нового патриарха. Это можно прочесть между строк даже у Никиты Пафлагонянина, который возмущается тем, что связавшие себя клятвой верности Игнатию принимали участие в делегациях к нему, добивавшихся его ухода на покой. Игнатий уступил. Более того, он дал указание своим наиболее верным и наименее склонным к уступкам друзьям — пяти епископам, о которых упоминает Митрофан Смирнский, — принять участие в выборах нового патриарха. Они тоже в конце концов уступили, чтобы не оказаться непослушными патриарху. Разумеется, Игнатий не мог бы диктовать им этого, если бы патриарший престол оставался за ним.

К этому можно добавить, что, по свидетельству Никиты Пафлагонянина, Игнатий еще до своего ареста намеревался уйти на покой (*ἐκὼν εὐχόμενος εἰς τοὺς ἀγίους*), но этому тогда решительно воспротивились его друзья.

Ф. Дворник приходит к следующему выводу: Игнатий «не был низложен насильно, а во избежание худшего отказался от патриаршества. Правда, он ушел по требованию нового правительства, но с надлежащего канонического согласия всех представителей высшего духовенства, собравшегося в Константинополе». Мир церковный «был установлен благодаря мудрости Игнатия, ушедшего на покой и таким образом принесшего личные интересы в жертву интересам церковным, а также благодаря миролюбию нового патриарха, который не поколебался сделать большие уступки оппозиции» (с. 96).

Установившийся таким образом церковный мир оказался, к сожа-

лению, непрочным. Прошло не более двух месяцев с момента интронизации Фотия, и борьба партий вспыхнула с новой, небывалой силой. Целью игнатиан был, по-видимому, дворцовый переворот. Этим следует объяснить решительные контрмеры правительства и жестокости, против которых, кстати сказать, энергично протестовал Фотий. Конечно, Фотий не собирался поддерживать игнатиан; и игнатиане не преминули использовать это обстоятельство для обвинения Фотия в нарушении обещания, данного им перед вступлением на патриарший престол. Это обещание они склонны были толковать очень широко. «Пусть он сделает один ложный шаг, и они его выбросят за борт, чтобы отдался под власть Игнатия, как единственно законного патриарха» (с. 99). В феврале 859 года в храме св. Ирины состоялся антифотианский собор приверженцев Игнатия, на котором они провозгласили Игнатия законным патриархом. Проф. Ф. Дворник считает, что ответственность за учиненный таким образом раскол в меньшей мере ложится на Игнатия, чем на его сторонников⁵. Число епископов, принявших участие в расколе, неизвестно. Из слов игнатианина Феогноста можно заключить, что оно достигало 25. К отколовшимся присоединилась и часть монахов.

В том же году Фотий ответил соборными санкциями. Дворник не думает, однако, чтобы Игнатий был тогда предан анафеме, как утверждает Никита Пафлагонянин. Скорее всего, собор лишь объявил его не имеющим права на патриарший престол.

Весной 860 года отправилась в Рим делегация с известительным посланием Фотия и письмом Миханла III. Император сообщал о последних событиях в Константинополе и просил папу прислать легатов на собор для решения вопросов, связанных с иконоборчеством, которое, как замечает Ф. Дворник, еще не было ликвидировано к тому времени. Но ни император, ни патриарх не поднимали вопроса о пересмотре дела Игнатия.

Имеются противоречивые свидетельства очевидцев о том, имело ли место евхаристическое сослужение папы Николая I с фотианскими епископами, посланными в Рим. Проф. Ф. Дворник в какой-то мере примиряет эти противоречия, делая предположение, что лишь двум епископам из четырех (Захарии и Феофилу) папа Николай отказал в евхаристическом общении, поскольку оба они были низложены при Игнатии и вопрос о их восстановлении не считался в Риме решенным.

В ответном письме императору папа хвалил его усердие о благе Церкви, но выражал удивление, что Игнатий был низложен без ведома Рима (*sine Romani consulto Pontificis*) и что в патриархи был избран мирянин. Папа отказался признать Фотия патриархом до получения от своих легатов результатов расследования всего дела. Об этом расследовании папа писал: «Дабы справедливость была соблюдена во всем, мы желаем, великодушный Август, чтобы Игнатий, который, как вы пишете, добровольно и свободно оставил управление названным престолом и был низложен в присутствии генерального народного собора вашею светлостью, предстал пред нашими легатами и генеральным собором, по обычаю империи, дабы они могли узнать, почему он оставил вверенную ему паству и почему он так мало посчитался с пожеланиями наших предшественников, святых первосвященников Льва IV и Бенедикта, и проявил к ним такое пренебрежительное отношение. С этой целью легаты произведут серьезное расследование

по делу о его низложении и вине, чтобы выяснить, были ли соблюдены каноны. Когда мы получим отчет, мы решим нашим апостольским авторитетом, что должно последовать, дабы ваша Церковь, так долго обуреваемая этими волнениями, могла в дальнейшем жить в мире и спокойствии» (с. 123—124). Папское письмо касается в дальнейшем вопроса об иконопочитании и содержит требование вернуть в юрисдикцию Римского престола Иллирик, Калабрию и Сицилию.

В письме к Фотию папа выражает готовность обнять его как «патриарха столь великого града» с братской любовью, если результаты расследования легатов окажутся благоприятными.

Как видно из содержания и тона писем, папа отнюдь еще не был исполнен решимости защищать Игнатия во что бы то ни стало. Для него было важно не допустить, чтобы такие важные события, как смена на посту председателя Константинопольской кафедры, происходили без ведома и согласия Рима. Папа не исключает возможности решения всего вопроса в пользу Фотия, но он хочет, чтобы константинопольская сторона признала право папы на окончательное решение таких вопросов и удовлетворила его требование относительно церковной юрисдикции на Балканах и на юге Италии. Короче говоря, папа хочет, чтобы все это дело послужило утверждению авторитета «апостольского престола».

Вслед за этим в Константинополе в 861 году состоялся Двукратный собор. Акты его, к сожалению, были уничтожены впоследствии игнатианами. Полностью сохранились лишь каноны этого собора; значительная часть их имеет целью упорядочение монашеской жизни в Византии. Ничего не известно о переговорах папских легатов с константинопольскими властями относительно задач собора, о соборных заседаниях, посвященных вопросам, связанным с иконоборчеством, и о многом другом. Но кое-какие сведения о соборе все же сохранились.

Легаты (по тогдашней терминологии, «апокрисиарии» папы), епископы Радоальд и Захария, прибыли в Константинополь в конце 860 года, перед Рождеством. Позиция папы в вопросе о задаче собора не вполне отвечала константинопольской точке зрения. В Константинополе вопрос об Игнатии считали решенным. Но с папой приходилось считаться. Константинопольская сторона согласилась на то, что вопрос об Игнатии будет еще раз рассмотрен на соборе, на этот раз с участием легатов, но она против того, чтобы окончательное решение состоялось потом и было предоставлено папе.

Собор открылся перед Пасхой (861) под председательством императора, в отсутствие Фотия. В извлечении из соборных актов⁶ имеются свидетельства о том, что Игнатий реагировал на происходившее с сознанием собственного достоинства, говорил о себе как о преемнике апостолов Иоанна и Андрея, равном Римскому епископу, и решительно требовал от легатов своего восстановления на Константинопольском престоле (с. 130). Вместе с тем Игнатий выражал сомнения в способности легатов беспристрастно решить этот вопрос, а потом даже отказался являться на суд.

«Поведение Игнатия, — замечает Ф. Дворник, — говорило во всяком случае о том, что он вернулся к вопросу своего отречения и находился, следовательно, под влиянием непримиримых» (с. 132). Последние, «восстав против его преемника, вновь провозгласили Игнатия

патриархом, а тот, когда его просили положить конец этой агитации и подтвердить свое отречение, отказался это сделать, молчаливо приняв, таким образом, это новое назначение» (с. 136).

На соборе, в соответствии с инструкциями папы Николая, легаты поставили вопрос о невыполнении Игнатием требования папы Бенедикта III относительно представления в Рим дела архиепископа Григория Асбесты. В согласии с легатами собор объявил отмененным приговор Игнатия по этому делу. Осужден был при участии легатов, как известно, и сам патриарх Игнатий.

Легаты явно вышли, таким образом, за пределы полномочий, полученных от папы, который ожидал от них лишь расследования, а вынесение приговора по этому делу оставлял за собой. Почему они решились на это? Ф. Дворник категорически отвергает утверждение Игнатия, что тут имело место насилие и подкуп. Для выполнения столь ответственного поручения папа Николай, несомненно, выбрал людей, которых считал устойчивыми и надежными. Однако на месте Захария и Радоальд увидели, что положение дел в Константинополе на таково, каким его представляли в Риме, и что, в частности, оппозиция против Фотия не очень сильна, а представителями ее являются люди далеко не безупречные. Легаты поняли, что в вопросе компетенции Рима надо пойти на компромисс, иначе собор вообще не состоится. Они не могли также не понимать того, какое большое значение для папы, который с такой решительностью подавлял стремление Галльской Церкви, самой сильной из западных Церквей, к независимости, имел бы факт суда над Константинопольским патриархом и низложения его представителями Рима, может быть, впервые в истории не по догматическим, а по дисциплинарным мотивам, с согласия самой Константинопольской Церкви, и притом не в порядке апелляции, предусмотренной сардинийским правилом. «Такой результат стоил некоторых уступок» (с. 143). Приняв участие в осуждении Игнатия, легаты, надо полагать, думали, что они совершают действие, которое расценит как полезное для Римского престола и сам папа.

Расчеты эти в общем оказались правильными. По возвращении в Рим епископ Радоальд в следующем (862) году был направлен папой с новым ответственным поручением к франкскому двору. Захария продолжал выполнять свои прежние функции при папском дворе. Это говорило о том, что папа правильно оценил успехи легатов, но он желал большего.

В одном вопросе константинопольская миссия легатов не принесла никаких желательных для Рима результатов. Это был вопрос папской юрисдикции на Балканах и на юге Италии. Он даже не обсуждался на соборе. Но при создавшемся положении папа не терял надежд на успех и в этом вопросе. Игнатий был осужден, но новый патриарх еще не был признан в Риме. В руках папы было новое письмо Фотия, добивавшегося такого признания. В планах папы вопрос признания Фотия связался с вопросом церковной юрисдикции на Балканах. Фотий, уклоняясь от решения этого вопроса, ссылаясь на государственный аспект его. Византия же, разумеется, не была склонна уступать спорные территории папе. Если для папы проблема Балкан была вопросом престижа, то для Византийского государства это был вопрос жизни и смерти. Переговоры с византийским послом Львом, явившимся к папе с актами со-

бора и проведенным в Риме зиму 861—862 года, ни к чему не привели. Письмами от 18 марта 862 года к императору и Фотию папа отказался признать создавшееся в Константинополе положение. Император и патриарх ответили на это молчанием. «По правде говоря,— замечает Ф. Дворник, — для них это было единственное, что они могли сделать. При невозможности оплатить пересмотр отношения к Фотию и Игнатию той ценой, какой от них требовал папа, лучше было проводить тактику молчания в ожидании того, что папа изменит свое отношение, чем вступать в спор» (с. 149—150).

Тем временем антифотнианские настроения в Риме разжигались приезжавшими сюда игнатнианами. Особенно большое влияние на дальнейший ход событий имел архимандрит Феогност.

Не дождавшись ничего от Константинополя, папа Николай в 863 году созвал в Риме собор. Обсуждению подверглись прежде всего действия легатов в Константинополе. Епископ Захария признался, что он превысил свои полномочия, вступив в общение с Фотием и приняв участие в низложении Игнатия. В наказание Захария был лишен сана и отлучен⁷. Другой папский легат, епископ Радоальд, был осужден заочно позже, в 864 году⁸. Собор 863 года вынес каноническое определение, коим Фотий был объявлен лишенным всякого церковного достоинства, как принявший рукоположение от епископа, «связанного» Римским престолом, и за преступление против Игнатия (с. 152). Архиепископ Григорий Асбеста также был низложен и отлучен. Духовные лица, рукоположенные Фотием, объявлены были неспособными к священнодействию. Игнатий, «лишенный престола насилем и угрозами», восстанавливался в прежнем достоинстве (с. 154), равно как и преданные ему духовные лица. Фотий был наделен в соборных канонах такими наименованиями, как «разбойник», «мерзкий прелюбодей», «восхититель Константинопольского престола», «обманщик», «высочка».

Папа Николай, таким образом, как замечает Ф. Дворник, отказал в доверии и соборным документам 861 года, и своим архивам, и собственным легатам, косвенно обвинил во лжи самого императора. Чем объяснить такое поведение папы?

Ф. Дворник многое приписывает тут хитрости игнатнианина Феогноста, который, находясь в Риме, хорошо уяснил себе главную идею папы Николая и мотивы его спора с Византией, сумел ярко изобразить весь трагизм, в котором очутился Игнатий, уверить папу в полной преданности Игнатия Римскому престолу и даже сделать кое-какие конкретные заверения, отвечавшие желаниям папы. Впоследствии (ок. 874) папа Иоанн VIII писал Болгарскому князю Борису, что Игнатий был признан патриархом лишь под условием отказа от юрисдикции над Болгарией: «Ибо Игнатий был признан нашими предшественниками под тем условием, что если он предпримет что-либо против апостольских прав в Болгарии, — чего не дерзал никогда даже Фотий, — он останется, вопреки этому признанию, под действием первоначального осуждения» (с. 156).

Ф. Дворник видит в этих словах папы Иоанна отголосок тех переговоров, которые вел с папой Николаем перед Римским собором 863 года Феогност; возможности какого-либо другого объяснения этих слов он не находит.

Папа решил опереться на Игнатия. «Вопрос об Иллирике и яркий

доклад Феогноста сыграли тут главную роль. Но это решение папы, несмотря на всю его суровость, не должно было стать последним словом в этом деле. Даже этот приговор мог бы быть пересмотрен, если бы осужденные поддались уговору и дали удовлетворение папе по вопросам, которым он придавал такое значение» (с. 157).

В Константинополе, между тем, дела шли своим чередом. Оппозиция игнатиан не играла большой роли. Могущество империи, руководимой молодым императором и Вардой, возрастало. Религиозно-политические влияния Византии достигали хазар и моравов. В поле внимания византийских политиков продолжала оставаться, конечно, и Болгария.

Нам неизвестно содержание папского письма, направленного императору Михаилу летом 865 года, но кое-что известно об ответе императора. Судя по реакции папы, император отвечал в повышенном тоне. Он упрекал папу за то, что тот не оценил должным образом уступки, сделанной ему Константинопольской Церковью, которая согласилась, чтобы Игнатия судили папские легаты, хотя в этом не было никакой надобности, поскольку вопрос был не вероучительный и не выходящий за пределы компетенции поместной Церкви. Император называет по имени человека, который представил папе положение в Византии в тенденциозном свете; это — Феогност, действовавший вместе с другими бежавшими в Рим монахами. Император требует от папы выдачи этих лиц и даже сопровождает свое требование угрозами применения силы.

На это письмо императора из Рима последовал обширный ответ, датированный 28 сентября того же года. По мнению Ф. Дворника, текст его, применительно к указаниям папы, который был уже болен, составил Анастасий Библиотекарь. «Это послание стало впоследствии одним из важнейших документов в эволюции папства» (с. 162). Оно широко использовалось канонистами, утверждавшими римско-католическое учение о папе в эпоху Григория VII и в последующее время. Ф. Дворник считает, однако, что суждение о послании как о чем-то совершенно новом в истории формирования этого учения является преувеличенным. Николай во многом повторяет Геласия I и Льва Великого. По мнению Ф. Дворника, не следует также преувеличивать влияния Лженсидоровских декреталлий, ставших к тому времени известными в Риме, на идеологию автора этого письма.

Папа пишет, что никогда ни один патриарх не был низложен без согласия Римского престола. Игнатий не мог быть судим своими подчиненными; это право лишь высшей инстанции — папы. Без согласия папы недействительны и решения соборов. Папа, как преемник апостола Петра, имеет власть «над всей землей, то есть над Вселенской Церковью». Папа не отошел в Константинополь Феогноста и его друзей, так как это люди, говорящие правду, а папе принадлежит право вызывать к себе в Рим любого клирика. В конце письма папа все же заявляет о готовности сделать уступку императору и пересмотреть еще раз дело Игнатия и Фотия, для чего оба они или их представители, а также представители самого императора должны явиться в Рим, ибо решение папского престола может быть изменено только папой. Но папа отказывается от пересмотра дела Григория Асбесты. По мнению Ф. Дворника, в послании, несмотря на его резкий тон, между строк можно прочесть выражение готовности пойти на почетный компромисс, при

котором осуждение Григория Асбесты, столь неугодного игнатиянам, осталось бы в силе.

Чем руководился папа? Желанием получить от греков Болгарию? Ф. Дворник склонен думать, что на это у него сейчас было мало надежды. Более реальной и более важной должна была представляться папе перспектива утверждения авторитета Римского престола через сохранение хотя бы того положения, которое было достигнуто в 861 году Радоальдом и Захарней.

Какой эффект произвело это послание в Византии? Стало очевидно, что папа не учел уступки константинопольской стороны. Вместе с тем «он стал искать аргументов в пользу своего примата в западных документах, которые восточным должны показаться странными, если не сказать подозрительными» (с. 167). Позицию папы Николая в деле Григория Асбесты, если сравнить ее с позицией его предшественников, тоже нельзя считать способствовавшей укреплению авторитета Римского престола. Григорий, как известно, апеллировал в Рим в соответствии с известным сардикийским правилом. Позицию прежних пап в этом деле скорее можно было расценить как защиту архиепископа Сиракузского от патриарха Игнатия. Впервые столь определенно выраженная точка зрения папы на зависимость соборов от папы также не могла не вызвать на Востоке больших возражений. Письмо содержало и другие утверждения, которые едва ли были уместны в послании, имевшем целью укрепление пошатнувшегося церковного единства.

В дальнейшем развитии событий большую роль сыграли дела новообращенной Болгарии. Князь Борис, решивший выйти из подчинения Византии, обратился к папе. Надо ли говорить, с каким восторгом было встречено в Риме болгарское посольство. Отвечая в письме Борису на ряд его вопросов, папа не преминул сделать некоторые заявления, неблагоприятные для греков и Константинопольского престола (папа поставил его на четвертое место в ряду патриарших кафедр); осуждены были некоторые греческие церковные обычаи.

Константинополь, всячески старавшийся сохранить свою юрисдикцию над Болгарией, прибег к ответной мере. На состоявшемся в Константинополе поместном соборе было осуждено *Filioque* и некоторые обычаи, коих держались франкские миссионеры, действовавшие в Болгарии. Болгары были поставлены об этом в известность.

Прибывшее в Болгарию в близкое к этим событиям время папское посольство имело с собой письма папы, адресованные императору Михаилу, патриарху Фотию, Феодоре и другим сановным лицам в Византии. Папа подтверждал свое решение, изложенное в вышеупомянутом письме от 28 сентября 865 года. Он по-прежнему отказывался признать решение Двукратного собора (861), продолжал утверждать, что судить Игнатия мог лишь папский престол. Папа отказывал собору также в праве решения вопроса об архиепископе Григории Асбесте и считал незаконным рукоположение, преподанное им «самозванцу» Фотию. Но и на этот раз в вопросе об Игнатии не исключалась возможность уступок. Однако папские письма не были доставлены по назначению. Греки встретили легатов предложением присоединиться к соборному осуждению франкских уклонений от чистоты Православия, а когда они отказались это сделать, с ними не пожелали разговаривать, и они вернулись в Болгарию. Политическая сторона вопроса сыграла тут главную роль.

«Дело касалось жизненных интересов империи, и в этом вопросе византийцы не могли допустить компромисса. В Византии так остро восприняли этот удар и угрозу, что стали терять голову» (с. 179).

Вопросы о правоверии франков и действиях папы Николая Фотий решает высший на всецерковный форум. На поместном соборе, как было выше сказано, уже обсуждался первый из этих вопросов. Но решение всецерковного собора должно было произвести на князя Бориса большее впечатление, чем решение одной Константинопольской Церкви. Что касается самого папы Николая, то, как видно из окружного послания Фотия, с Запада поступали в Византию жалобы на его «тиранию». Ф. Дворник уверен в том, что к Фотию протесты этого рода поступали от архиепископов Кельнского и Трирского. Фотию должно было быть также известно о враждебном отношении к Николаю архиепископа Равеннского Иоанна, с которым Фотий был в переписке и который, по мнению Ф. Дворника, инспирировал Фотия на выступление против Николая. Западных епископов в курс константинопольских событий мог ввести Радоальд, «защищая справедливость своей позиции и показывая им, что Николай шел по ложному пути в своей политике относительно Фотия» (с. 192). По свидетельству современника этих событий, Анастасия Библиотекаря, недовольство политикой Николая было тогда общим в Риме (с. 193).

Но, забегая вперед, следует сказать, что Фотий все же переоценил вес западной оппозиции. В частности, архиепископ Равеннский Иоанн колебался и, в конечном итоге, Фотия не поддержал, а это, по мнению Ф. Дворника, сыграло известную роль в падении Фотия при императоре Василии.

Кроме вышеуказанных вопросов, на повестке созванного Фотием собора стоял еще вопрос о признании Второго Никейского собора Седьмым Вселенским.

Собор состоялся в Константинополе летом 867 года. Акты его не сохранились. Скупые сведения о соборе, которыми располагают историки, заимствованы исключительно из антифотианских источников. Всё, что известно о нем достоверного, сводится к следующему. Собор действительно имел место, хотя некоторые игнатриане и пытались отрицать этот факт. Это был очень многочисленный собор. На нем был осужден папа Николай I. Людовик II был провозглашен императором, с согласия Михаила III и Василия (занявшего место убитого им Варды). Возможно, что на Людовика II возлагали надежду как на исполнителя соборного приговора относительно папы Николая. Была ли осуждена на соборе Западная Церковь с ее обычаями? Ф. Дворник не допускает такой мысли. Осуждение могло коснуться лишь некоторых обычаев, распространявшихся западными миссионерами в Болгарии, и явилось «как бы ответом Восточной Церкви на нападки, допущенные латинскими миссионерами в Болгарии на некоторые вековые обычаи восточных» (с. 183). У собора не было оснований обвинять самого папу Николая в отстаивании *Filioque*, ибо известно, что папа ничем не реагировал на тот факт, что в Известительном послании Фотия (860) текст Символа веры не имел добавки, наоборот, в своем ответном письме (18 марта 862 года) Николай признавал Фотия православным.

«Мнение, будто собор 867 года объявил войну между двумя Церквями и означал разрыв между латинянами и греками, создано в ре-

зультате письма папы Николая Гинкмару (архиепископу Реймскому)» (с. 184). В Болгарии римские миссионеры вытеснили не только греческих миссионеров, но и миссионеров франкских. Это могло сблизить греков с франками. Для папы важно было предупредить такое сближение. В своем письме Гинкмару (23 октября 867 года) он «обобщил поэтому обвинения, выдвинутые Фотием против болгарских миссионеров, представив дело таким образом, будто они были направлены против всей Латинской Церкви, следовательно, и против франков» (с. 184). В какой-то мере Николай был прав; в частности, это мнение укоренилось больше всего именно у франков. Сам Гинкмар, как это видно из сочинений, написанных по его инициативе против греков, а с ним и весь Запад стали смотреть на Фотия так, как подсказывал папа Николай, то есть как на человека, который обвинил Латинскую Церковь в целом. Такое мнение на Западе утвердилось надолго.

Утверждают также, что собор 867 года выступил не только против папы Николая, но и против самой идеи римского примата. В том же письме к Гинкмару папа Николай писал о греках: «Они с гордостью утверждают, что, когда императоры покинули город Рим и переселились в Константинополь, они унесли с собой и примат Римского престола и что преимущества Римской Церкви перешли вместе с царским достоинством, вследствие чего Фотий, узурпатор этой самой Церкви, именуется в своих писаниях «архиепископом и вселенским патриархом»» (с. 185). Ф. Дворник не мог не заметить, что позиция восточных Церквей, определяемая 28-м халкидонским правилом, формулирована здесь неточно. Что касается титула, которым со времени Иоанна Постника пользовались все Константинопольские патриархи (не исключая Игнатия), то опять-таки папа толкует его не в том смысле, какой придавали ему сами патриархи. Мысль, приписываемая Николаем I грекам, об утрате Римской Церковью ее преимуществ после перенесения столицы империи из Рима в Константинополь никогда до Николая I не была выражена в такой радикальной форме ни одним греком. Но Ф. Дворник не исключает возможности того, что в пылу борьбы за Болгарию греческие миссионеры, отставая значение Константинополя против папских попыток поставить его после Александрии и Антиохии, могли впасть в другую крайность.

Кардинал Гергенретер думает, что Фотий был близок к отрицанию первенства Римского престола, и склонен считать Фотия автором содержащегося у Аристина сочинения против римского примата. Но Ф. Дворник не считает это сочинение произведением Фотия (равно как и трактат против франков).

Однако сам факт осуждения папы Николая I в 867 году не подлежит никакому сомнению. До собора 867 года, говорит Ф. Дворник, «поведение Фотия в отношении Николая I было весьма достойным... Не будучи в состоянии дать папе то, что тот ожидал от него взамен за признание, и принять его точку зрения, он ограничился тем, что хранил с 861 по 867 год упорное, но почтительное молчание. Это была единственная позиция, которую он мог занять, чтобы не нанести ущерба своим правам и не поставить под угрозу мир в христианстве» (с. 192). Ф. Дворник сожалеет, что потом Фотий сошел с этой позиции. «Решившись произнести приговор папе, Фотий совершил нечто неслыханное до того в истории». Ф. Дворник считает жест Фотия «незрелым, необду-

манным и неосмотрительным», чреватым серьезными последствиями для Церкви (с. 193).

Папа Николай скончался 13 ноября 867 года, возможно, так и не узнав о приговоре Константинопольского собора.

От нового папы Адриана II можно было ожидать некоторых перемен в восточной политике. В самый день своей интронизации он удостоил причащения нескольких епископов, запрещенных Николаем I, в их числе и Захарию Анагнийского.

Между тем незадолго до этого (24 сентября) в Византии произошел дворцовый переворот: на престол вступил Василий Македонянин, убийца Михаила III. Новый император, как известно, вернул патриарший престол Игнатию. Игнатианские источники рисуют дело так, что переворот вызвал ликование во всей империи, а низложение Фотия представляли делом Божественного возмездия. В действительности, Михаил III пользовался популярностью в народе (хотя и не такой большой, как его дядя Варда); имя убитого императора долго еще жило в памяти простого народа, прославлялось в его «трагедиях». Убийца оттолкнул от себя значительную часть населения. Поддержка игнатиан была для него особенной ценной, и он решил на них опереться. Низложение Фотия и восстановление Игнатия было логическим следствием такой политической ориентации⁹. Контакты Василия с непримиримыми установились, вероятно, задолго до убийства. Не следует забывать, что Василий расправился не только с императором; еще раньше он убил его дядю Варду. Это делало его чрезвычайно симпатичным для игнатиан, но отталкивало от него других. Сложность положения побудила Василия искать поддержки в Риме.

Василий поторопился вернуть посольство, направлявшееся к Людовiku II с актами собора 867 года. Акты эти компрометировали самого Василия, как участника этого собора. Экземпляр их, хранившийся в патриархии, также был изъят. Было направлено посольство к папе с письмом, в котором император говорил языком самого настоящего игнатианина. Письмо было адресовано папе Николаю, который, однако, не дожид до такого блестящего триумфа своего дела. В Византии не знали еще о смерти Николая, и этим обстоятельством отчасти объясняется прямолинейный, резко антифотианский тон письма. Ввиду такого оборота дел, новому папе Адриану II не оставалось ничего, как присоединиться к политике своего предшественника в восточном вопросе и продолжать ее.

Феогност был направлен в Константинополь с письмами папы. В письме к императору (1 августа 868 года) выражалось большое удовлетворение решением его относительно приведения в исполнение папского приговора по делу Игнатия и Фотия.

В письме к Игнатию папа, подтверждая решение своего предшественника, выражал удивление, что Игнатий не известил еще папу о своем вступлении на престол.

Еще до получения этих писем папы Василий снарядил в Рим второе посольство с представителями обоих патриархов. Решение всего дела, равно как судьбу епископов-фотиан, император отдавал в руки папы. Он лишь просил проявить великодушие в приговоре. Игнатий со своей стороны направил папе письмо подобного содержания. Греческое посольство привезло с собой и акты собора 867 года.

Римский собор состоялся, как полагает Ф. Дворник, в первых числах июня 869 года. Представителей патриарха Фотия на нем не было: один из них погиб во время кораблекрушения, другой отказался присутствовать на этом соборе. Папа Адриан в своей речи решительно осудил поведение Фотия в 867 году, исходя из того, что суд над папой недопустим в принципе: «Мы учим, что Римский первосвященник судит всех предстоятелей Церкви, а чтобы его кто-либо судил, того не учим» (с. 210). Приговором папы, произнесенным на соборе, осуждались все фотианские соборы. Анафема, коей предал Фотия Николай I, в правилах нового Римского собора повторялась в еще более резкой форме. Сам «захватчик», если раскается, может быть принят в общение лишь в качестве мирянина. Подписавшие соборное определение 867 года подвергались подобному же прещению. Акты собора 867 года были тут же сожжены.

В письме к Игнатию папа разрешал ему воссоединить примкнувших к Фотию клириков игнатрианского рукоположения, если те подпишут *libellus satisfactionis* (нечто вроде нового издания известной «формулы Гормизды»). С поставивших свои подписи под актами собора 867 года прещение может быть снято только по решению папского престола. Сам Игнатий должен оправдаться по вопросу его отношения к папе Бенедикту III. Для этого он должен приложить усилия, чтобы все участники собора, который должен состояться в Константинополе, подписали папские определения.

Императору папа предлагал созвать собор, который, под председательством легатов, приведет в исполнение папское решение. Акты собора 867 года должны быть при этом торжественно сожжены. В письме папа просил императора выдать ему греческих монахов, интриговавших против папы Николая. Легатами в Константинополь назначались епископы Донат, Стефан и диакон Марин.

Ф. Дворник замечает, что папа Адриан пошел дальше желаний императора. Василию Македонянину важно было получить поддержку папы (письмо было адресовано папе Николаю) и в какой-то мере прикрыть папским расположением свое преступление, но он не хотел озлоблять фотиан. Приговор папы Адриана был более суровым, чем ожидал император.

Письма папы вместе с копией документов, относящихся к делу Фотия, доставили в Константинополь вышеупомянутые папские легаты. Расхождения между ними и константинопольской стороной обнаружились, как только был поднят вопрос о *libellus satisfactionis*. Требование папы, чтобы участники будущего собора предварительно подписали этот документ, вызвало у императора и патриарха удивление. В *libellus'e* подчеркивался примат Римской кафедры и предавался анафеме Фотий. Таким образом, папа допускал к участию в соборе лишь тех, кто заранее соглашался с предложенным Римом решением. При такой постановке дела сам собор выглядел излишним. Император боялся, что это может испортить все его планы.

Собор (он считается сейчас у римо-католиков «восьмым вселенским») открылся 5 октября 869 года при самых неблагоприятных прогнозах. На первом заседании присутствовало всего 12 епископов. Сразу же рассеялись иллюзии легатов относительно веса игнатрианской партии. Правда, число участников постепенно возрастало и на последнем засе-

дании собора в 870 году достигло 103. Но это нельзя было назвать успехом. За два года, прошедших с момента восстановления Игнатия, сторонники его во главе с императором имели время, чтобы сделать всё возможное для привлечения на свою сторону епископата. Оказалось, однако, что духовенство в большинстве своем сочувствовало Фотию. Константинопольский клир, по словам Ф. Дворника, «значительно лучше знал всё дело, чем апостольские легаты и Римский престол. Ему были известны все детали, все интриги, равно как истинные причины ненависти, которую проявляли к Фотию его противники. Ими не могло не быть болезненно воспринято то обстоятельство, что Римский престол и его представители оставили без внимания эти факты, не имевшие, в основном, ничего общего с религией и дисциплиной, и так просто осудили Фотия и его приверженцев, не заслушав их. В глазах фотиян при таких условиях Рим мог лишь потерять престиж, который все же они признавали. Что могли они думать о *libellus'e*, о котором много было разговоров в церковной среде Константинополя? С одной стороны, в нем провозглашалась верховная власть папы в Церкви, с другой, в силу этой власти, изрекался приговор, который и они сами и многие другие в Константинополе не могли не считать несправедливым» (с. 215).

Между тем легаты, боясь, чтобы их не постигла участь Захарии и Радоальда, старались точно выполнить поручение папы и решительно противились соборному рассмотрению дела о Фотии. Но даже игнатiane, присутствовавшие на соборе, едва ли могли быть согласны с таким образом действия легатов.

Некоторые из епископов обращали внимание Патриарха Игнатия и императора на то, что *libellus* означает подчинение Византийской Церкви Риму на вечные времена. В связи с этим понятна попытка императора овладеть подписанными экземплярами *libellus'a*, хранившимися у легатов.

Вопреки указанию папы, председательствовал на соборе не легат, а император (лично или через уполномоченного сановника).

Не имея возможности открыто противиться папе, Василий Македонянин старался, по крайней мере, ослабить неблагоприятное впечатление, которое папский приговор произвел в Византии. «Император хотел, насколько это возможно, придать собранию хотя бы видимость беспристрастного трибунала. Он хотел, чтобы папский приговор был заново произнесен собором, по исследовании всех его пунктов» (с. 217). Император не хотел отталкивать фотиян и подчеркивал свое желание достичь соглашения, приемлемого для всех. Он выражал эту мысль в речах на соборе, и собор был предупрежден, что император не подпишет соборных актов, если Фотий и его приверженцы не будут заслушаны.

Но легаты со своей стороны постоянно подчеркивали, что они прибыли не для того, чтобы выслушивать объяснения бывшего патриарха, а для того, чтобы торжественно объявить римский приговор (с. 218).

Все же император настоял на том, чтобы Фотию и защищавшим его епископам было предоставлено слово. Этой возможностью воспользовался Захария Халкидонский. Сам Фотий не пожелал выступать перед трибуналом, который вовсе не собирался заниматься его делом по существу и не имел возможности свободно вынести свой собственный приговор.

В деле Фотия отцы собора должны были подчиниться указанию из Рима: Фотий был отлучен. Но, как замечает Ф. Дворник, они «отказались голосовать за правило, выражающее идеи Николая и Адриана более категорично». В речах соборных отцов то и дело упоминалось о патриаршеской «пентархии». В принятых на соборе определениях «заметна тенденция представить патриархов равными или, по крайней мере, почти равными по значению». Даже 21-е правило этого собора, осуждающее Фотия, не отвечает тому, что было бы желательным легатам (с. 220). Слишком открытое и прямое давление из Рима заставило греческих епископов насторожиться.

Заметим здесь, что вышеуказанное правило не говорит ничего о принципиальной неподсудности Римской кафедры всецерковному суду. Оно лишь защищает ее от нападок несправедливых и дерзких, но вместе с тем прямо признает, в случае возникновения на Вселенских Соборах недоуменных вопросов относительно Римской Церкви, допустимость их исследования и соборного решения с соблюдением должного такта (*εὐλαβῶς καὶ μετὰ προσηκουσῆς αἰδούως*), без дерзких нападок на римских епархов.

Подводя итоги всему, Ф. Дворник высказывает мнение, что результаты этого игнатианского собора 869—870 годов можно считать в общем менее благоприятными для Рима, чем результаты Двукратного собора (861).

Весьма неприятным для Рима было новое решение болгарского вопроса. Борис решительно повернул в сторону Византии. Возможно, что не последнюю роль сыграли тут определения фотианского собора 867 года. Болгарское посольство, прибывшее в Константинополь в феврале 870 года, присутствовало на последнем заседании игнатианского собора. Болгары хотели, чтобы вопрос церковной юрисдикции в их стране был решен собором. По этому вопросу была созвана специальная конференция с участием представителей всех патриархатов. Легаты протестовали, говоря, что собор уже закрыт, и отказались от участия в конференции, сославшись на то, что не имеют полномочий на рассмотрение нового вопроса. Вопрос этот все же был решен, притом вопреки тем принципам, которые диктовались Римом. Ф. Дворник считает, что ревиндикация Болгарии Константинопольской Церковью была оправдана, поскольку лишь незначительная часть болгарской территории — Македония — находилась в прошлом в римской юрисдикции, тогда как большую часть ее составляла Фракия, принадлежавшая Константинопольскому Патриархату.

В ответ на это легаты предъявили (заготовленное, по-видимому, на такой случай) письмо папы, в котором он запрещал Игнатию предпринимать что-либо в Болгарии вопреки интересам Рима. Но на Игнатия это не оказало никакого воздействия. Начался период новых римских протестов и угроз, свидетельствовавших лишний раз о том, какую большую роль играл болгарский вопрос во всем происходившем. Эти угрозы адресовались уже не Фотию, а Игнатию.

Возвращение легатов в Рим после собора 869—870 годов отнюдь не было триумфальным. Болгария была потеряна для Рима.

Но и самое осуждение Фотия и фотиан не сохранило надолго своей силы. В Константинополе, при наличии двух не состоящих между собой в общении клиров, создалось сложное положение. Оно не могло

не вызывать озабоченности у императора, который, естественно, хотел положить конец этим нестроениям и разделениям. Но папа Адриан оставался непреклонным.

Около 873 года император вернул из изгнания Фотия, приблизил его ко двору, сделал воспитателем своих детей. Фотий понимал, что интересами Церкви диктуется не борьба с Игнатием, а сближение двух партий, и действовал в этом направлении. Примирение обоих патриархов (о чем упоминают сам Фотий и наследник Василия Македонянина—Лев VI) состоялось, по мнению Ф. Дворника, в 876 году. Проф. Ф. Дворник допускает даже, что в последний год жизни патриарха Игнатия Фотий фактически замещал его как бы на положении коадьютора *cum jure successionis*. Прибытие в 877 году в Константинополь легатов нового папы Иоанна VIII Ф. Дворник ставит в связь с назревшим к тому времени вопросом отмены соборного приговора Фотию. Известно, во всяком случае, что об умиротворении церковных отношений в Константинополе император писал в это время папе. Попутно папа хотел добиться от патриарха Игнатия отказа от юрисдикции над Болгарией. Легаты епископы Павел и Евгений не застали Игнатия в живых; он скончался 23 октября 877 года. Фотий не ожидал разрешения Рима, чтобы занять престол, некогда ему принадлежавший.

Византийское посольство с письмами императора, Фотия и константинопольского духовенства прибыло в Рим в мае 877 года и имело переговоры с папой Иоанном. После обсуждения на своем синоде создавшегося положения папа направил в Константинополь ответные письма. В письме императору он выражал удовлетворение тем, что император признает авторитет Римского престола. Папа заявил далее, что, в силу своей власти вязать и решить и осуществлять право суда над патриархами, он снимает осуждение с Фотия и его сторонников, при условии, что Фотий откажется от юрисдикции над Болгарией. Идя навстречу желанию императора, он признает Фотия законным патриархом, хотя тот и занял патриарший престол без разрешения Рима. Фотий должен просить прощения у собора и принести удовлетворение за допущенные ранее нарушения. Император же должен относиться к Фотию с уважением, не верить клевете на него и не чинить препятствий воссоединяющимся с ним епископам-игнатианам. Тем, кто откажется признать новое положение, папа грозил отлучением.

Письма подобного содержания папа направил трем восточным патриархам (которые уже признали Фотия), самому Фотию, константинопольским епископам и лидерам игнатианской оппозиции.

Письма эти, равно как письмо папы к отправленным ранее легатам Павлу и Евгению, доставил в Константинополь новый папский легат, кардинал Петр. В письме к названным двум легатам папа выражал недовольство тем, что ими не были выполнены его указания относительно установления церковного мира и единства в Константинополе. Ф. Дворник толкует это как упрек за пассивность.

Легатам предлагалось строго следовать особой инструкции (*comptinorium*) касательно собора, который имел состояться по инициативе константинопольской стороны. В греческом тексте этой папской инструкции (латинский текст не сохранился) в § 4 читаем: «Хотим пред лицом тамошнего собора выразить желание, чтобы собор, бывший на предпреченного Фотия во времена святейшего папы Адриана в Риме и

Константинополе, отныне был отвергнутым и недействительным и не твердым и не сопричислялся к прочим святым соборам» (с. 252)¹⁰. Подлинность этого текста вызывала у историков сомнение. Ф. Дворник, сопоставляя этот пункт инструкции с высказываниями папы Иоанна VIII по данному вопросу в других документах, приходит к выводу, что греческая версия этого пункта по смыслу не может много отличаться от оригинальной и в общем правильно выражает сущность указания, преподанного папой легатам¹¹.

В этом вопросе папа пошел навстречу желаниям византийской стороны. Однако не всё в письмах папы было приемлемо для восточных. Папа требовал, чтобы Фотий просил прощения на соборе за свое прошлое поведение. Выдвигая такое требование, папа Иоанн «находился под влиянием представлений, которые имели в Риме о Фотии со времени Николая I; он был убежден, как почти все в Риме, что инициатива Николая против Фотия была полностью оправданной» (с. 258). «Даже интервенция Захарии Анагийского не могла рассеять его сомнений, ибо после миссии Захарии произошло одно событие, относительно которого даже новый библиотекарь, преемник Анастасия, не мог дать удовлетворительного объяснения, — осуждение Николая собором 867 года. Поэтому Иоанн VIII думал, что вполне логично будет, прежде чем отменить приговоры антифотианских соборов, потребовать предварительно от Фотия «повинной»» (с. 259). Между тем Фотий от этого отказался категорически. «Он и его сторонники считали меры, принятые против них Николаем и Адрианом, несправедливыми и не имеющими под собой достаточных канонических оснований. По их мнению, собор 867 года был лишь реакцией на эту несправедливость и защитой против вмешательства Николая во внутренние дела их Церкви. Если они при этом перешли границы защиты, то за это они были достаточно наказаны собором 869 года, на котором папские легаты так же, считали они, перешли границы своей власти, осудив Фотия и его приверженцев без предварительного исследования дела. Кроме того, Фотий примирился с Игнатием перед смертью его. Собору, имевшему состояться в Константинополе, предстояло лишь санкционировать существовавшее после смерти Игнатия положение и дать должное удовлетворение Фотию и его сторонникам» (с. 257). По этому вопросу шли переговоры, и легаты в конце концов уступили. От требования касательно покаяния Фотия им пришлось отказаться. В связи с этим пришлось изменить и тексты, которые имели быть оглашены на соборе от лица папы¹². «Когда легаты дали себе отчет в том, что существовавшие в Риме предубеждения против Фотия не так обоснованны, как об этом думали, пришлось изъять все те места, где эти предубеждения были выражены» (с. 259). «Письма папы не могли быть прочитаны перед отцами собора в первоначальной версии» (с. 258).

Собор открылся в ноябре 879 года в храме св. Софии под председательством патриарха Фотия.

На первом заседании с большой речью выступил Захария Халкидонский. Затруднения, которые переживала Константинопольская Церковь, он приписал «простоте» (απλοτητι) патриарха Игнатия. Вот что было сказано в этой речи: «Некоторые люди — их немного, и их легко перечислить, — не дорожа миром церковным, очутились в плену и порабощении у своего себялюбия. И когда их спрашивали, почему

они отделились от общего тела Церкви, они немедленно отвечали в свое оправдание: Римская Церковь так приказала. Они поступали как святотатцы и убийцы, которые, будучи уличены в своих преступлениях, сказали бы: я совершил это с разрешения римлян. И эта Церковь, насаждавшаяся до сих пор миром и стремившаяся, насколько возможно, насаждать этот мир среди других, была обвинена в том, что она является причиной всех смут, распрей, соблазнов, короче говоря, всех зол, постигших нашу Церковь. Это не точно, но они говорят это. Вот почему наш благочестивый император пригласил вас. И вы здесь для того, чтобы опровергнуть возводимые со всех сторон на вас инкриминации и обвинения, конми на вас возлагается ответственность за зло, постигшее нас. По правде говоря, собор этот созван в ваших интересах, ради вас, наши братья и отцы, ради святейшей Римской Церкви, ради сохранения вашей чести, чтобы последние раскольники не могли вас обвинять, ссылаться на вас как на виновников разделений и смут» (с. 266—267).

Что касается восстановления Фотия в патриаршем достоинстве, то на соборе была высказана мысль, что восточные патриархаты всегда сами решали вопрос о том, кому у них быть патриархом¹³. На соборе была принята декларация в таком духе (с. 272).

Собор уклонился от решения вопроса о церковной юрисдикции в Болгарии, предоставив его императору.

Зато большой энтузиазм собравшихся вызвало сделанное от имени папы заявление легатов, осуждающее антифотианские соборы и неприемлимых антифотиан (4-е заседание).

Торжественно, в атмосфере единодушия прошли Рождественские праздники, во время которых, по предложению легатов, отцы собора вместе с Фотием принимали участие в совершении Евхаристии.

На возобновившихся в конце января (870) заседаниях Второй Никейский собор был признан Седьмым Вселенским.

Затем были приняты три канона:

1) О взаимном уважении римской и константинопольской стороной канонических прещений, налагаемых предстоятелями этих Церквей на своих клириков, и о сохранении преимуществ Римской Церкви без каких бы то ни было нововведений¹⁴.

2) О запрещении епископам, принявшим монашество, выполнять епископские функции¹⁵.

3) Об анафематствовании мирян, поднимающих руку на епископа¹⁶.

Решения собора были подписаны 383 епископами, его участниками. Первым поставил подпись папский легат, епископ Анконский Павел. Он предварил ее на хартии пояснительным замечанием о своих полномочиях, как легата Римской Церкви, и о признании Фотия законным патриархом. При этом он начертал такие слова: «Я отвергаю и анафематствую собор, созданный против него в сей святой Константинопольской Церкви» (с. 274).

На бывших до этого заседаниях собора император отсутствовал — он был в трауре по случаю смерти сына. 3 марта во дворце было устроено особое заседание в присутствии императора и под его председательством. В нем, однако, принимали участие не все отцы собора, а лишь патриарх, легаты и 18 митрополитов. На повестке дня был вопрос о вероучительном определении — «оросе» касательно Никео-Цареград-

ского Символа веры. Решено было не допускать никаких изменений текста Символа, осуждалась вставка *Filioque*. Император подписал «орос» и соборные определения. Десять дней спустя состоялось заключительное заседание собора, уже в полном составе, под председательством Фотия. «Орос» был восторженно принят всеми его участниками.

В соборных актах, опубликованных И. Д. Манси, приводится текст письма папы Иоанна патриарху Фотию по вопросу *Filioque*. В письме этом осуждаются вместе с Иудой те, кто «в неразумии» допустил включение *Filioque* в Символ веры. Кардинал Гергенретер признал это письмо подложным. Проф. Ф. Дворник разделяет это мнение, по крайней мере, в том, что касается той редакции, в какой письмо дошло до нас.

Оценивая общие результаты собора 879—880 годов, Ф. Дворник склонен считать, что в целом легаты справились со своей главной задачей, которая должна была состоять в утверждении авторитета Римского престола. Но достигнуто это было ценой значительных уступок.

Как отнесся к этому папа Иоанн? Ему не могло, конечно, понравиться, что легатам не удалось добиться от Фотия покаяния. В письме к Фотию он не скрыл своего сожаления по этому поводу и не удержался от упреков. Папа выразил также недовольство тем, что позиция его в деле Фотия была представлена в искаженном виде. Но он не решился вступить на путь прямого противодействия решениям Константинопольского собора. Папа «обнимает» Фотия как брата и близкого друга в надежде, что Фотий будет проявлять большую преданность Римскому престолу. Заканчивается письмо такими словами: «Мы принимаем также и то, что по вопросу твоего восстановления милосердно (*miserico-diter*) было решено в Константинополе соборным определением, и если, случайно, наши легаты на том же соборе совершили что-либо вопреки нашему апостольскому указанию, мы не приемлем того и не придаем тому никакой силы» (с. 289). Как понимать последние слова? Как раз в вопросе восстановления Фотия легаты нарушили папские указания. Что же, признает Иоанн VIII Фотия патриархом или не признает? Ф. Дворник считает, что оговорка в процитированной части письма касается не признания Фотия (папа иначе противоречил бы сам себе), а прав Римского престола вообще. Соображения, которые в данном случае руководили папой, Ф. Дворник толкует так: «Если бы после тщательного изучения этого дела выяснилось, что легаты превысили свои права и отступили от папских указаний с ущербом для прав папы, можно будет всегда возложить на них ответственность за это» и отказаться от сделанной уступки (с. 292). «В письме, — продолжает Ф. Дворник, — мы напрасно бы искали слов, в которых можно было видеть более или менее ясно выраженное признание Иоанном ошибочности линии поведения его предшественников в отношении Фотия. Легаты, судя по их образу действия в Константинополе на соборе, должны были прийти к этому убеждению, и это было бы логично»... Но Иоанн VIII сделать заявление в этом духе было нелегко (с. 292—293).

Что касается болгарского вопроса, тот тут, по мнению Ф. Дворника, имел место компромисс. По-видимому, Болгарская Церковь продолжала окормляться греческим духовенством, но византийская сторона, возможно, согласилась на то, чтобы архиепископ Болгарский получал свой паллиум из Рима. Сама же Болгария стремилась и была уже на пути

к тому, что у нас сейчас обозначается термином «автокефалия». Здесь вскоре нашли себе убежище ученики святого Мефодия и славянское богослужение, изгнанное из Моравии папой Стефаном (884). Борис отнюдь не был склонен отдавать свою Церковь в полную и прямую зависимость от Рима. Папа Иоанн упрекал его за это. Но нигде мы не видим упреков папы по адресу Фотия. Примирение, достигнутое между представителями обеих Церквей в 879—880 годах, по утверждению Ф. Дворника, оказалось прочным.

Проф. Ф. Дворник разбирает основания, на которых покоятся противоположные утверждения, и доказывает их несостоятельность. «Чем дольше изучаем мы историю этого периода, — писал он еще в 1936 году, — тем больше мы убеждаемся в том, что папы от Иоанна VIII до Иоанна IX не меняли своей политической ориентации в отношении Востока, руководясь личными чувствами. Папская политика продолжала идти по прямой линии, начатой великим Иоанном VIII, по линии, определявшейся заботой об исправлении осознанных ошибок и сохранении единства Церкви»¹⁷.

Доказывающий противоположное антифотианский сборник документов, составленный при папе Формозе, имел целью оправдать позицию небольшой группы непримиримых антифотиан ссылками на осуждение Фотия Иоанном VIII и последующими папами, а также противодействовать распространявшемуся в народе мнению о святости этого патриарха (с. 373—374). С другой стороны, составитель сборника пытается доказать, что Иоанн VIII не имел права отменять законный приговор, однажды вынесенный Фотию. Проф. Ф. Дворник считает позицию составителя тенденциозной, противоречивой, а приводимые им ссылки недостаточными для доказательства главной мысли.

Причисление патриарха Фотия к лику святых, по мнению проф. Ф. Дворника, состоялось не позднее конца X в. (с. 526), следовательно, еще до «разделения Церквей».

Возникновение на Западе неблагоприятных для Фотия и не соответствующих исторической правде суждений о нем проф. Ф. Дворник объясняет, во-первых, престижем папы Николая I, «почти исключавшим возможность критики позиции, занятой им по отношению к Фотию», во-вторых, характерными для средневекового Запада антигреческими настроениями, которые «предрасполагали умы к неблагоприятному отношению к памяти греческого патриарха, осмелившегося «взбунтоваться» против великого Николая, первого великого предшественника Григория VII, идеи коего о папском примате стали руководящими идеями всего латинского средневековья» (с. 386).

Отношение к соборам 869—870 и 879—880 годов также не осталось неизменным. Первый из них, как известно, в настоящее время признается в Римско-Католической Церкви «восьмым вселенским собором». Между тем в 879—880 годах, как уже было сказано, собор этот был осужден, с согласия папы Иоанна VIII. Соответствующий канон собора 879—880 годов в латинском переводе читается так: “*Synodum Romae factam contra Photium sanctissimum patriarcham sub Hadriano beatissimo papa et factam Constantinopoli synodum contra eundem sanctissimum Photium definimus omnino damnatam et abrogatam esse, neque eam sanctis synodis adnumerandam esse aut recensendam, neque synodum omnino appellandam aut vocandam esse. Absit*” («Римский собор, быв-

ший против Фотия, святейшего патриарха, при блаженнейшем папе Адриане, и собор, бывший в Константинополе против того же святейшего Фотия, признаем всецело осужденным и отвергнутым, не подлежащим сопричислению к святым соборам и учету и не заслуживающим совершенно звания или наименования собора. Да не будет») (с. 418).

Решение это долгое время уважалось и на Западе. «До середины XI в., — пишет проф. Ф. Дворник, — ни один современный документ из тех, по которым мы наводили справки, не подтверждает вселенского характера «восьмого собора» (то есть собора 879—880 годов) (с. 429). «В XI в. решение Иоанна VIII о так называемом «восьмом соборе» и реабилитации Фотия еще оставалось в силе и собор этот не считался вселенским» (с. 436). Папа Лев IX в своем известном послании к Петру Антиохийскому говорит лишь о семи Вселенских Соборах. Сам кардинал Гумберт, предавая проклятию Михаила Керулария «и его сообщников», пользовался именем семи, а не восьми Вселенских Соборов.

«Выводы, к которым мы пришли, — пишет проф. Ф. Дворник, — ставят перед нами другую важную проблему. Если правда, что собор 869—870 годов был аннулирован собором 879—880 годов и решения последнего были подтверждены папой Иоанном VIII, как может Западная Церковь продолжать относить этот собор к числу вселенских?» (с. 423).

Отношение к этому собору на Западе изменилось в конце XI в., то есть уже после «разделения Церквей». «Надо признаться, — пишет проф. Ф. Дворник, — что новое признание «восьмого собора» Западной Церковью никогда не имело бы места, если бы Римская Церковь и Церковь Византийская не оказались бы разделенными» (с. 448).

Собор этот был «открыт» западными канонистами, сторонниками происходившей тогда реформы. В канонах этого собора они нашли нечто отвечавшее их задачам. Прежде всего, в борьбе против светской инвеституры им важен был 22-й канон этого собора. Цитируя этот и другие каноны адриановского собора, западные канонисты именуют собор этот «вселенским», то есть пользуются тем названием, которое собор этот сам к себе прилагал. Поначалу это делается осторожно, с оговорками, вроде: собор, «который был назван восьмым своими учредителями», «который некоторые называют восьмым» и т. п. Для реформаторов григорианской и послегригорианской эпохи искусственно поставить его в разряд вселенских было слишком велико, чтобы ему можно было противостоять. Сам папа Григорий VII, цитируя 22-е правило этого собора, называет последний *octava synodus*.

С полной определенностью говорит о нем, как о «восьмом вселенском соборе» канонист XI—XII вв. Иво Шартрийский.

Проф. Ф. Дворник думает, что собор этот, вопреки общецерковному решению о нем, был отнесен к разряду вселенских в результате ошибки западных канонистов конца XI в., пользовавшихся правилами этого собора в благих целях (с. 449)¹⁸.

С другой стороны, память о великом Свято-Софийском соборе 383 отцов не сразу угасла на Западе и после разделения. В западных канонических сборниках XII в. он упоминается как *Quinta synodus Constantinopolitana 383 patrum sub Joanne papa*. Даже Гратнан, канонист XII в., старающийся утвердить вселенский авторитет антифотианского собора, не забывает о «Константинопольском соборе трехсот

восьмидесяти трех отцов». В своей «*Concordantia discordantium canonum*» (ок. 1150), верный своему принципу «согласования» несогласованного, он исключил упоминание об осуждении адриановского собора. Но Гратиан относится с уважением к собору при папе Иоанне и называет его в одном месте *popa synodus*.

Упоминание о великом Свято-Софийском соборе встречается и у более поздних западных канонистов, и некоторые из них высказывают сомнение в достоверности того, что о нем говорится. Любопытно, что даже папа Иннокентий III цитирует одно из правил этого собора (с. 515).

На шестой сессии Флорентийского собора при обсуждении вопроса о *Filioque* кардинал Цезарини попросил греков показать ему книгу деяний «восьмого собора». На это Марк Ефесский ответил: «Даже если бы мы имели эту книгу, нас нельзя заставить причислить к вселенским соборы, которые не только не получили признания, но и были осуждены. Ибо собор, о котором говорит ваша святыня, содержит акты против Фотия, относящиеся ко времени пап Иоанна (?) и Адриана. Но потом имел место другой собор, восстановивший Фотия и отменивший прежний собор. Собор этот, также названный «восьмым», имел место при папе Иоанне. Имеются и письма, адресованные этим папой Фотию. Собор этот занимался также вопросом добавления к Символу веры. Он решил, что не следует ничего добавлять. Мы думаем, что вам неизвестен и этот собор и письма папы Иоанна. Поскольку акты того собора были тогда аннулированы, следует обращаться не к ним, а к актам собора, состоявшегося потом. А вот, что с того времени до наших дней говорят в великой Константинопольской Церкви: «Все, что было сказано или написано против святейших патриархов Фотия и Игнатия, анафема!»».

Такой ответ должен был озадачить вопрошавших. Но на следующем заседании один из представителей латинской стороны (Андрей, архиепископ Родосский), наведя, по-видимому, кое-какие справки по этому вопросу, назвал очень невероятным сказанное греками об осуждении «восьмого» собора на другом «восьмом», так как этот второй собор «произнес таковое осуждение, ссылаясь на аргументы малонадежные, поскольку ни папа там не присутствовал, ни его представители. Если бы дело происходило так, как вы говорите, об этом осталось бы какое-то воспоминание у латинян. Странно было бы, чтобы Римская Церковь, так точная в других вопросах и столь тщательная в фиксировании происходящего, могла пропустить факт столь необходимый и столь важный... Отсюда вытекает, что собор, о котором вы говорите, не имел места, а если и имел место, то об этом (*Filioque*) он даже не говорил» (с. 493).

Выступая в таком духе, участник Флорентийского собора, по замечанию проф. Ф. Дворника, предупредил знаменитого Аллатия, также пытавшегося утверждать, что собора 879—880 годов не было вовсе.

Вопрос о двух «восьмых» соборах в Константинополе всплывал в западной канонической литературе и в последующее время. У архиепископа Антонио Августина (канониста XVI в.) освещению этого вопроса (*de duplici octava synodo*) посвящен даже особый диалог. Сам Августин, конечно, за то, чтобы «восьмым собором» считать адриановский собор 869—870 годов. Вот один из аргументов, который

приводится у него в защиту этого участником диалога (выражающим точки зрения самого автора). Если мы отвергнем адриановский собор, мы тем самым как бы одобрим всё то, что Фотий допустил против папы Николая и патриарха Игнатия. Знаменитый канонист в связи с этим считает осужденным не собор 869—870 годов, а собор 879—880 годов. «Иногда, — говорит проф. Ф. Дворник, — трудно отделаться от впечатления, что он колеблется выразить решительным образом неблагоприятное суждение о фотианском соборе. Но в конечном итоге он все же это неблагоприятное суждение выражает. Антифотианский сборник, который он нашел, его совершенно сбил с толку» (с. 500).

На Востоке собор 879—880 годов приравнивался к вселенским. Признавался авторитет этого собора даже греками-униатами, несмотря на все свое отрицательное отношение к Фотию. Патриарх-униат Иоанн Бекк (XIII в.) называет собор «великим и вполне вселенским» (μεγαλή καὶ ἀντιχρυσ οἰκουμένην)¹⁹. Признавал его вселенский характер даже Григорий Мамма (XV в.)²⁰.

Кардинал Бароний, очень решительный в вынесении исторического приговора Фотию, всячески отстаивает вселенское значение игнатиянского собора. Андрей Родосский, о выступлении которого в таком же духе на Флорентийском соборе была речь выше, назван у него *vir doctissimus* (с. 506). Бароний, первый из историков приписавший Фотию фальсификацию актов Свято-Софийского собора, включил в свою книгу историю второго посольства Марина в Константинополь и второго отлучения Фотия. Барония Ф. Дворник считает главным, хотя и не преднамеренным, виновником распространения «легенды о Фотии». Средневековый климат, по замечанию Ф. Дворника, чрезвычайно благоприятствовал росту растений этой породы. В эпоху, когда значение и могущество папства неуклонно росло, человек, о котором было известно, что он однажды взбунтовался против папы, не мог вызывать никакой симпатии (с. 507). Многое в рассказах Барония было исправлено в последующее время, но его суждение о Патриархе Фотии утвердилось надолго.

В 1604 году иезуит Радерус назвал Собор 879—880 годов «лжесобором». Это наименование держалось за Свято-Софийским собором на Западе почти до наших дней.

Данные о том, что этот собор отменил все решения адриановских соборов и изъял *Filioque* из Символа, приводили в недоумение и кардинала Беллярмина (XVII в.), который склонен был видеть тут какой-то подлог.

Собор 869—870 годов, наоборот, приобрел на Западе неоспоримый авторитет. От русских униатов требовалось особое клятвенное признание «восьмого» собора и его решений.

Казалось, что Бароний и его подражатели навсегда решили судьбу фотиан. «Легенду о Фотии» не критически восприняли не только на Западе. Не избежали влияния Барония и православные богословы. «Мы можем наблюдать это влияние, — говорит Ф. Дворник, — в трудах почти всех восточных писателей — греческих и русских, начиная с XVII в.» (с. 576). Илия Минятей, Мелетий Афинский, Софокл Икономос, К. Димитракопулос, русский архимандрит Иннокентий, А. М. Муравьев, архиепископ Черниговский Филарет, Н. И. Костомаров — вот имена, на которые ссылается Ф. Дворник в подтверждение этого.

Говоря о попытках отклониться в трактовке истории Фотия от прочно укоренившихся, но недостаточно обоснованных взглядов, проф. Ф. Дворник отдает должное вышедшему в России, но оставшемуся малоизвестным труду православного араба, неромонаха Герасима (Яреда), получившего богословское образование в России²¹. Иеромонах Герасим позволил себе не соглашаться даже с кардиналом Гергенретером (с. 517 и 678). Труд Яреда вызвал критические замечания со стороны профессора Московской Духовной Академии А. П. Лебедева. «Критика блестящего ученого по адресу убогого неромонаха частично обоснована. Но по многим пунктам сириец видел лучше своего оппонента». Сам Лебедев не был оригинален в своих выводах. Полемизируя с Гефеле и Гергенретером, он по сути дела сам зависит от последнего и не в состоянии противиться его аргументации (с. 579).

Лишь А. М. Иванцов-Платонов в речи 12 января 1892 года в Московском университете дал толчок новому направлению фотнианских исследований в России. Речь эта оригинальна и говорит о рассудительности автора. К сожалению, она осталась малоизвестной на Западе. Влияние обоих кардиналов и в ней не было преодолено, но оно было значительно ограничено.

Труд Россейкина, изданный в 1913 году, не добавил почти ничего существенно нового к тому, что было сказано Иванцовым-Платоновым.

Таким образом, «даже в православном мире подлинная история этого отца Восточной Церкви утратила ясность и подвергалась искажению в течение веков» (с. 580). Влияние Запада на работы восточных ученых сказалось так сильно, что обе традиции сошлись в утверждении наиболее важного момента в «легенде о Фотии» — в признании так называемой второй схизмы.

В заключение своего труда проф. Ф. Дворник говорит: «Из нашего исследования вытекает, что к личности Фотия, этого великого патриарха и отца Восточной Церкви, на Западе в течение веков относились пренебрежительно, без христианской любви. Задача историков не только подчеркивать ошибки прошлого, но и защищать того, кто пострадал от этого. Этот долг история должна ему оплатить... Ученые, знавшие его труды, с брезгливостью относились к измышлениям его противников, инстинктивно чувствуя, что тот, кто проводил свои дни среди книг, в обществе представителей того классического периода и своих учеников, не был человеком, способным унижаться до той мелочности и того жалкого самолюбия, которые приписывали ему его враги... С другой стороны, чувства простых православных верующих, считавших, что их Церковь не ошибается, окружая своего предстоятеля ореолом святости, должны были рано или поздно получить оправдание. Но Фотий был тоже человек, и он допускал ошибки, иногда роковые для него и его Церкви»²² (с. 581—582). Усилия Фотия по восстановлению мира церковного, его позиция в болгарском вопросе, отсутствие с его стороны реакции на некоторые выражения папы Иоанна, способные даже после примирения оставить у него неприятный осадок, — всё это говорило о том, что он искренно хотел примирения, стремился исправить то, что ошибочно было допущено в прошлом, и надеялся, что время излечит рану и изгладит следы происшедшего. Западная сторона не учла, как следует, всего этого (с. 582—583).

Ф. Дворник глубоко сожалеет, что взаимоотношения обеих Церквей на протяжении веков не были отмечены тем духом примирения, который еще раз бурно проявился в Византии в 920 году, после провозглашения знаменитого Томоса о единстве. Еще долго потом храмы Востока оглашались в Неделю Православия возгласами: «Игнатию и Фотию, приснопамятным православным патриархам,— вечная память»; «Все-му, что было написано и сказано против святейших патриархов Германа, Тарасия, Никифора, Мефодия, Игнатия, Фотия, Стефана, Антония и Николая,— вовеки анафема». Этой, отнюдь не мрачной, а скорее оптимистической «анафемой» закончил свой большой и усердный труд католический ученый.

Возможно, что труд проф. Ф. Дворника — не последнее слово истории. Но, несомненно, это огромный и ценный вклад в историю Церкви и в дело единства, и мы не можем не склонить в низком поклоне голову перед эрудицией автора, перед его стремлением с полной объективностью подойти к столь важным событиям церковной истории и дать новое, более правильное освещение ряду вопросов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Photius, Patriarch von Konstantinopel [в четырех томах]. Regensburg, 1867—1869.

² Byzantion, 1933, VIII.

³ Revue des sciences philosophiques et théologiques, 1933, XII.

⁴ Revue de l'Orient chrétien. Paris, 1903, c. 178—179.

⁵ По-иному смотрит на это В. Грюмель.

⁶ Wolf von Glanvell. Die Kanonensammlung des Kardinals Deusdedit. Paderborn, 1905.

⁷ Примечательно, что Захария получил после этого в управление значительный и богатый монастырь св. Григория, а епископская кафедра его (Анагнии) оставалась незамещенной до момента восстановления Захарии в прежнем сане.

⁸ Радоальду при этом пригрозили отлучением, если он посмеет вступить в сношения с Фотием. Ф. Дворник думает, что с Радоальдом дело обстояло серьезнее, поскольку он, надо полагать, не пожелал присоединиться к новой политической линии Николая в отношении Востока.

⁹ Соответствует ли действительности свидетельство продолжателя Георгия Монаха о том, что Фотий отлучил нового императора от причащения? Ф. Дворник сомневается в этом и думает, что Фотий был устранен на другой день после переворота. С другой стороны, он склонен считать достоверным свидетельство Анастасия Библиотекаря о том, что Василий убедил Фотия уйти в отставку, ввиду нового положения в государстве.

¹⁰ В сборнике Ива Шартрийского (канониста григорианской эпохи) этот пункт «коммониториума» изложен так: «Вы скажете, что мы отменяем те синоды, которые состоялись против Фотия при папе Адриане в Риме и Константинополе, и исключаем их из числа святых соборов» (с. 418).

¹¹ Попутно можно отметить следующее любопытное обстоятельство. Уже Анастасий Библиотекарь считал греческий текст правил собора 869—870 годов фальсифицированным и противопоставлял ему «подлинный», латинский. Но позднейшие западные издатели, сопоставляя, в связи с этим предположением, оба текста, не преминули выразить удивление (*mirum tamen est*), что как раз в греческом тексте содержится благоприятствующее Римскому первосвященнику и отсутствуют места, благоприятные для Константинопольского престола, имеющиеся в латинском тексте. Это говорило бы о том, с какой осторожностью следует относиться к подобным предположениям о фальсификации.

¹² Нечто подобное практиковалось уже и в других случаях, даже на соборе 869 года.

¹³ Заявление Илии, представителя Иерусалимской Церкви.

¹⁴ Канон этот был принят по предложению легатов, и Ф. Дворник толкует его в смысле, благоприятном для римского прimateа.

¹⁵ Предложение Фотия.

¹⁶ Поводом послужили инциденты, имевшие место во время недавней борьбы двух партий.

¹⁷ *Etudes sur Photios.*— Byzantion. 1936, XI, с. 6.

¹⁸ Ранние греческие унии решительно не признавали собора 869—870 годов вселенским (с. 553—554, 574—575).

¹⁹ *Migne, P. G.*, t. 141, col. 980.

²⁰ *Migne, P. G.*, t. 160, col. 92.

²¹ Отзывы о Фотии, патриархе Константинопольском, его современников в связи с историей политических партий Византийской империи.— Христианское чтение, 1872.

²² Ф. Дворник имеет в виду собор 867 года.
